

ПРОБЛЕМА ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ НАЦИИ

В обсуждении приняли участие доктор философских наук, профессор, проректор по научной и издательской работе, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета Вал. А. Луков, академик Российской академии образования, доктор философских наук, профессор Л.П. Буева.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П. С. Гуревич.

Гуревич П. Немецкий философ-неокантианец, историк науки, писатель-фантаст Курд Ласвиц (1848-1910) написал роман «Картины будущего», который в начале XX в. пользовался большой популярностью. Писатель задумался над тем, каким образом человек будущего сможет овладеть гигантски разросшейся совокупностью естественнонаучных, философских, обществоведческих, технических знаний, а также накопленными достижениями искусства. Развитие знаний виделось Ласвицу как бесконечное дробление наук, лавинообразное нарастание мельчайших, частичных знаний. В XXXIX в., в котором разворачивается действие утопий Ласвица, объем знаний возрос настолько, что нормальный мозг не может вместить даже небольшую их часть. *«Уже с 28-го века, - говорит один из героев романа, - оказалось невозможным достигнуть соглашения между отдельными отраслями науки. Обилие материала переросло все методы. Люди искали общего принципа как магического слова, которое связало бы разрозненные части, но не находили его и все больше убеждались в неминуемости разложения... Люди дошли таким образом до предела разума». И тогда родился лозунг: «Если научный материал не приспособляется к мозгу, приспособим мозг к научному материалу».*

Выход из тупика чрезмерной дифференциации знания находится путем создания особого аппарата – «психокенета», который действует на мозговые центры, «впечатывая» в память человека нужные знания. Знание и способности выращиваются искусственно. Люди разделяются на разные психологические классы: только думающие, только чувствующие, только работающие».

Прошел век, и вот в конце минувшего столетия вновь, но уже на ином языке, заговорили о «психокенете». 8 февраля 1996 года Джон Перри Барлоу опубликовал Манифест Киберпространства *"Правительства Индустриального мира, вы — утомленные гиганты из плоти и стали; моя же Родина — Киберпространство, новый дом Сознания. От имени будущего я прошу вас, у которых все в прошлом, — оставьте нас в покое. Вы лишние среди нас. Вы не обладаете верховной властью там, где мы собрались"*.

Так начинается Декларация независимости Киберпространства, которая провозглашала независимость интернета от власти национальных правительств. Для своего времени она была настоящим откровением. Этот краткий, но емкий текст очень быстро стал известным и широко разошелся по Сети. Джон Барлоу мечтал о мире, в котором каждый человек сможет высказывать свою точку

зрения, какой бы непопулярной она ни была, без страха и официального разрешения. Мире, где каждый может решать, что ему слушать и знать. В этом мире интеллект станет главным экономическим ресурсом, а физическое местонахождение гражданина Киберпространства не будет иметь значения.

Сегодня вслед за Барлоу многие политики и ученые повели речь о всеобщей интеллектуализации мира, о неслыханных победах в области интеллектуальных технологий. Не осталась в стороне от этой темы и Россия. Президент России говорит об улучшении образования, о прорывах в области интеллектуальных модернизационных технологий. В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. Интеллектуализация современной России – утопия или реальный процесс?
2. Что более значимо для нации возрождение духовности или ее интеллектуализация?
3. Можно ли говорить об интеллектуализации всей нации или речь идет только об элите?
4. Нет ли противоречия между провозглашенной программой и резким падением образования, его качества?

1. Интеллектуализация современной России – утопия или реальный процесс?

Гуревич П. Сегодня много говорят об интеллектуализации, но сам этот термин достаточно размыт. Непонятно, о чем идет речь. О всеобщей компьютеризации или о повышении качества образования, об умных технологиях или об общем подъеме культуры? Если говорить об уровне образованности народа, то это слово не вполне адекватно. Оно, как говорится, не из этого ряда. Образование вовсе не сводится к развитию только ментальных навыков, как это виделось утопистам, сторонникам «психокенета».

Буева Л. Когда Кант употреблял слово «интеллигенция», то он имел в виду не слой интеллектуалов, а обычную рациональность. Он связывает с этим словом способность субъекта, при помощи которой тот в состоянии представлять себе все, что недоступно чувствам. Жонглируя словом «интеллектуализация», мы словно вычеркиваем все, что как раз имеет отношение к эмоциональной сфере культуры. Мы все больше говорим об «умной» экономике, «умной» культуре, «умном менеджменте». Не оскудевают ли наши чувства, не слетает ли гвоздик, на котором всегда висело образование? Гуманитарные науки и сейчас не претендуют на рациональность.

Луков В. Мне кажется, тем не менее, что античная идея образованности, разумеется, сохраняет свою значимость сегодня. Образованности и в смысле принятия за образец идеала учености, свойственного своей эпохе, и в смысле формирования тех свойств разума, чувств, воли, которые позволяют понять эту эпоху, ее истоки и ее перспективы.

И это задача не отдельных людей или узкоспециализированных групп. Нация становится могучей силой, когда население овладевает знаниями.

Буева Л. Тогда что предпочтительней: «интеллектуализация» или «образование»?

Гуревич П. Да, все великие взлеты человеческого бытия, по Ясперсу, сопряжены с тем, как представители разных эпох соприкасались с античной идеей образования. Если происходило размежевание или возникало отторжение от этой почвы, наступало варварство. Культура утрачивала свою основу. Когда немецкий философ говорит об интеллектуализации, то он имеет в виду, прежде всего, развитие ментальных навыков, умение мыслить. Но это относится, прежде всего, к узкому слою специалистов. Образованность же отождествляется со знаниями во всем его необъятном спектре. Сегодня же, когда говорят об «умной» экономике, интеллектуализации нации, то подразумевают, прежде всего, широкое внедрение информационных технологий и создание на этой основе интеллектуальных информационных систем. Вероятно подразумевается, что только интеллектуализация России позволит ей не отстать от образованной Европы.

Луков В. Но человек при этом рассматривается как главный информационный конвейер этой интеллектуальной системы.

Гуревич П. Вот именно. Термин «интеллектуализация» неудачен также потому, что он используется в психологии, «оброс» обширной литературой. Правда, речь там идет о защитном психологическом механизме, который позволяет человеку «онаучить» свои житейские представления, выразить их на «умном» языке, чтобы отвлечься от собственного невроза и огорчить свое психотические реакции.

Буева Л. Это тот самый случай, когда невротик говорит: «Я нуждаюсь в глубинной, очень глубинной терапии».

Луков В. Казалось бы, к провозглашенной программе интеллектуализации такое понимание не имеет никакого отношения. Если в психологии этим термином обозначается защитный механизм, оберегающий человеческую психику от потрясений, то в современном политическом лексиконе «интеллектуализация», конечно же, имеет другой смысл. Иначе зачем умножать сущности без необходимости, от чего предостерегал еще Оккам?

Гуревич П. Но так ли это? Мне кажется, что мы здесь обнаруживаем именно этот психологический процесс. Осознавая собственную отсталость, ощущая внутреннюю неспособность осуществить цивилизационный рывок, мы начинаем компенсировать данное отчуждение умными понятиями, заговаривать мучительную проблему «шикарными» словами, которые будто бы свидетельствуют о нашей оснащенности, определенной продвинутости, предельной интеллектуальности.

Буева Л. Быть умным и умничать — это в русском языке не одно и то же.

Луков В. Однако, дело, мне кажется, не в том, что выбор слова не отличается особой взыскательностью. Проблема глубже. Разговоры о медиатизации компьютеризации и интеллектуализации социальной среды и человека отражают, на мой взгляд, однобокость цивилизационного развития. Мы стали заложниками науки, технизации, мы уверовали в то, что они облагодетельствуют человечество. От «естественного человека» ничего не остается — пока в метафорическом смысле, но очень скоро, буквально в ближайшие годы, мы столкнемся с реализацией идеи создания «трансчеловека», уже все готово к покусению на природу человека как биосоциального существа. Биоэтические проблемы выходят на первый план. Еще недавно почти фантастические проекты проектирования людей с особыми способностями, в том числе и ментальными, уже осуществляются, разве что не в массовом масштабе. За этими экспериментами над человеком — новые факторы социального расслоения, пока незаметные, но уже подспудно формирующиеся. Между прочим, и в российском обществе.

Гуревич П. Согласен. Когда я начал, готовясь к нашей беседе, анализировать процессы современного образования, то меня неожиданно поразила мысль: классические философские тексты уже не имеют никакого отношения к современной практике образования. Это все уже из других веков, из иного ареала времени. Сегодня мы с восторгом говорим, что отныне знания будут передаваться из чипа в чип. Это тот самый фантастический «психокенет», который позволяет обрести знание без интеллектуального напряжения, мобилизации креативности. Щелчок — и в вашей голове небольшая сельская библиотека. Министр образования и науки специально подчеркивает, что ребёнок имеет право на доступ к разносторонней информации. Но никто не говорит о том, что ребенок имеет право на самостоятельное размышление, на индивидуальную эмоциональную реакцию. Хорошо иметь нужные сведения, но возникает вопрос: ради чего? С какой целью? Лично у меня такой потребности в информации нет. Я за строгую избирательность того, что входит в наш духовный горизонт.

Буева Л. Однако, говоря о компьютеризации, мы радуемся, как дети. Но где элементарное философское остережение: технически это возможно, но каковы социальные последствия?

Луков В. Сократ, к примеру, осознавал, что появление письменности — значительное достижение культуры. Но он не усматривал в письме только достижение прогресса. Тем более ему не приходило в голову, что звучащее слово может быть вытеснено чем-то более высоким. Напротив, к письменному «месту он относился как к беззащитному, открытому для спекуляций, злоупотреблений и извращений. В отличие от устной речи письменный текст характеризуется тем, что он не может постоять за себя. Автор литературного или философского произведения единожды выдает свое сочинение в свет, тогда как в живом разговорном общении всякое недоразумение и ложное понимание исправляются ответной репликой.

Гуревич П. В истории философского мышления феномен разговора и в особенности его выдающаяся форма — разговор с глазу на глаз, именуемый диалогом, всегда считался истинным показателем интеллектуальности. Что может противопоставить этому современная информационная практика? Недаром постмодернисты сетуют: информации много, а смысла мало... Информационный шум менее всего можно считать мудростью. Древние же настаивали именно на сохранении умственности. Они пытались обосновать главный критерий стойкости культуры — мудрость, а вовсе не поток всевозможных и доступных сведений.

Луков В. Современный человек таскает с собой ворох ненужных ему сведений. Знание, поглощаемое в избытке не ради утоления голода и даже сверх потребности, перестает действовать в качестве мотива человеческого поведения. Оно остается в недрах некоего внутреннего хаотического мира.

Гуревич П. Но то знание, которым располагает современный человек, не является «своим», бытийственным. Оно соткано из чужих эпох, нравов, искусств, философских учений, религий. Древний эллин, перенесенный в нашу эпоху, принял бы нас за ходячие энциклопедии. Так думал Ницше. Но о чем можно вести сегодня речь, если эта тенденция достигла абсурда. Мы живем в потоке информации, но можно ли на этом основании говорить об интеллектуализации общества? Полагаю, что нет.

Буева Л. Сегодня много пишут о том, что в школьной программе надо усилить изучение химии, физики, биологии. Это, мол, веление времени. Гуманитарию нечего делать там, где сооружается адронный коллайдер. Вместе с тем очевидно, что без напряженных исканий в области истории, социологии, психологии невозможно отладить социальные связи. О шизофренизации общества ни физик, ни химик ничего сказать не может. Биолог не выглядит пророком, там, где речь идет о смысле жизни.

Гуревич П. Но все эти суждения, к сожалению, кажутся анахронизмом на фоне современного увлечения информационными достижениями. Древние заботились о силе и развитии человека как такового, они видели свою цель в добродетели. Но мы сегодня склонны видеть в человеке только его компетенцию. Это слово бурьяном проросло в многочисленных диссертационных работах. Затискали до неприличия словосочетание «человеческий фактор». Оно стало синонимом человеческой неуклюжести, нерасторопности, врожденной недостаточности.

Луков В. Подумать только: казалось бы, незыблемая сущность образования, которое включает в себя обучение и воспитание, подверглась ревизии. Ведь истинная суть его — преобразование природных задатков и способностей.

Буева Л. Боюсь, что термин «интеллектуализация», поддержанный лозунгом «Россия, вперед!», окончательно вытеснит слово «образование». Здесь я ощущаю себя консерватором.

Гуревич П. Сегодня вместо образования нам предлагают «пробежаться» стремительно вдоль смыслов. Но такая мудрость сомнительна.

Интеллектуализация немислима без духовности. Если нет жизни духа, усилия интеллекта направлены лишь на решение прагматических задач. Духовность и культуру сегодня замещают финансово-экономические отношения. Мощный компьютер или Интернет обеспечивают доступность информации. Но причем тут интеллектуализация?

Луков В. Политику государства современные реформаторы образования видят в создании производителей нового поколения технических, управленческих и социокультурных инноваций и массового слоя «потребителей» и «пользователей» инноваций. Эта политика социально оправдывает массовое высшее образование на уровне бакалавриата.

Буева Л. Ленин в свое время задавал риторический вопрос: от чего погибнет советская власть? И сам отвечал: от бюрократизма и бумаготворчества. Но Ленину и в голову не приходило, до какого масштаба может дойти эта тупая тенденция. Реальную жизнь со всеми ее парадоксами и сложностями мы променяли на виртуальный бумажный мир. То, что написано на бумаге, и то, что творится в реальной жизни, нигде не пересекается.

Гуревич П. Это даже не параллельные миры, а две монады. В одной монаде преподаватель сидит в аудитории и ждет студентов, из которых две трети отсутствуют на протяжении всего учебного года. В другой — живет своей жизнью отчет о том, как повысилось качество образования, с каким рвением молодые люди хотят получить знания. В одной монаде студент скачивает курсовики и дипломы из Интернета. В другой — методические советы рекомендуют для изучения все более обстоятельные списки научной литературы. В одной монаде студенты поражают своим невежеством. В другой — разворачивается неутомимая борьба за качество образования в виде компьютерного подсчета рождающихся в голове студента мыслеобразов и битов информации. Здесь можно не стреножить свою фантазию. Пишите, пишете, чиновник подошьет к нужной папке размноженный отчет, который создаст лучезарную оптимистическую картину. Дело доходит до парадокса. То, что говорят на совете ректоров вузов, не имеет никакого отношения к министерским планам. Но руководители государства, видимо, считают, что эти реальности совпадают. Рейтинги отражают придуманную реальность, которая носит форму грезы или галлюцинации.

2. Что более значимо для нации возрождение духовности или ее интеллектуализация?

Гуревич П. Как вузовский работник, я все время хочу задать Министерству простенький вопрос: видели ли они когда-либо реального, житейски достоверного студента. В их воображении студент торопится в аудиторию, запускает собственный компьютер и, жадно поглощая знания, борется за качество образования. Как преподаватель, читающий лекции в разных вузах, я свидетельствую: давно уже мало кто по-настоящему учится. А зачем? Разве в нашей стране образование обеспечивает хорошую работу,

карьерный рост? Ничуть не бывало. Не удивительны итоги ежегодных опросов ВЦИОМ, которые показывают, что общество ставит образование на одно из последних мест. Всего 1% опрошенных с уважением относится к профессии ученого, в то время как в США — 56%.

Луков В. Идеологи интеллектуализации пишут о том, что нам нужны активные социальные группы, мотивированные модернизацией. Если у нас промышленность отстала на сто лет, то и инновации у нас будут такими же. Невозможно на устаревшей базе создать новые технологии.

Буева Л. Мировой опыт свидетельствует о том, что интеллектуальные прорывы не обеспечиваются лозунгами. Они рождаются только там, где хорошо и в течение длительного времени поставлено образование.

Луков В. Некоторые эксперты пишут, что необходимым условием интеллектуализации нации является демократизация, что без нее вообще невозможно решить поставленные задачи. Однако представители власти утверждают: «мы обязательно пробьем эту стену». И вы знаете, можно не сомневаться — «пробьют». Преодолеют сопротивление, устранят маловеров, снимут с дотации. Реформаторов не остановят никакие доводы. Прогнетса общественность, помчится сочинять нужные бумаги.

Буева Л. Все реформы образования в нашей стране за последние годы проводились при активном сопротивлении со стороны общественности, научных кругов, профессуры и учителей. Но власти не теряли надежды загнать всех в грядущее счастье железной рукой. Они с огромным увлечением занимались «менеджеризацией» образования.

Гуревич П. Представители властных кругов и сегодня убеждены в том, что начинать надо не с демократизации, а с интеллектуализации. Они уверены в том, что сама демократия является продуктом технологических процессов. Какое превратное представление о демократии надо иметь, чтобы идею, рожденную в Древней Греции, представить как отражение успехов техники. Но ведь в древнегреческом полисе, напротив, считали, что обсуждение острых вопросов жизни социума не предполагает сбора огромных массивов населения. Демократия у эллинов — это когда в задних рядах слышен голос оратора. Мысль о том, что достаточно поставить рупор на трибуне и станет больше демократии, показалась бы наивным древним грекам смешной и глупой. Столь же нелепо полагать, что именно новые технологии дают людям возможность быть свободными. Ощущение свободы — сугубо внутреннее состояние.

Луков В. Как-то даже неловко ссылаться на общеизвестные истины. Мы помним для примера суждение немецкого философа Г.М.Энценбергера о том, что современные технологии превратились в высокоразвитую отрасль промышленности, в «индустрию сознания». Эта индустрия поставляет миллионам людей соответствующие чувства, мысли и мнения об окружающем мире. Она информирует их вовсе не для того, чтобы способствовать развитию их мышления и внутренней свободы, а принуждает к готовым решениям и стереотипам. Неубедительна также мысль о том, что только после

экономического процветания наша политическая система станет более развитой. Логика истории подсказывает иную зависимость.

Гуревич П. Политически наивной представляется также убеждение в том, что новые технологические прорывы обеспечат иностранные специалисты, которые примчатся к нам, как в новый Клондайк. В глобальном мире, где идет борьба за выживание, никто не станет делиться с нами своими успехами в области интеллектуализации экономики.

Буева Л. Американский социолог Элвин Тоффлер был убежден в том, что знание станет универсальным, общим продуктом, вынужден корректировать свою концепцию, поскольку знание оказалось политическим феноменом, феноменом власти. У западных политиков и менеджеров не съехала крыша, чтобы они вдруг начали усиливать нашу экономику, щедро делясь собственными достижениями. Это все из области фантастики.

Гуревич П. Жизнь — гениальный режиссер. Пока мы мечтали о том, что «Запад нам поможет», сразу два бывших российских ученых Андрей Гейм и Константин Новоселов получили Нобелевскую премию по физике. Они при этом проявили абсолютную корректность, подчеркивая, что их успех был подготовлен состоянием образования в те годы, когда они учились в России. Но можно ли считать их российскими учеными, если они давно работают в Манчестерском университете? И вдруг оказывается, что до отъезда за рубеж они просили поддержки чуть ли не во всех инстанциях. Они даже обращались к А.Чубайсу, но он тоже не разглядел ценности этого проекта. Вот реальный повод для общественного обсуждения: как же мы собираемся обеспечить прорыв, если у нас везде пронырливые менеджеры, которым все равно, что принесет прибыль — научное открытие или успешная банковская операция?

Луков В. Наша схема выхода на международный уровень интеллектуализации предполагает, что страна может оставаться полуграмотной, с агонизирующим образованием и руинами науки. Разве таким образом можно ликвидировать отставание? Я считаю, что без возрождения отечественной науки и широкого доступного образования столь масштабные задачи решить невозможно. У нас нет государственной заинтересованности в труде ученых.

Буева Л. Здесь мы ощущаем себя как люди без исторической памяти. Мы отыскивали свое место в индустриальном обществе благодаря массовому образованию, строительству советской школы. Разумеется, на наших предприятиях работали иностранные специалисты. Но что они могли бы сделать, если бы из низов не поднялась мощная тяга к знаниям, к духовности, к элементарной грамотности? Вспомним, по переписи 1897 года из каждой тысячи жителей умели читать и писать лишь 223 человека. Но разве царское правительство хотело безграмотных мужиков сделать строителями нового века? Нет, да и Временное правительство не ставило таких задач. О чем речь — есть неграмотные мужики и есть образованные господа? Советское правительство тоже замышляло цивилизационный рывок. Но начало с идеи широкого бесплатного образования. Обязательное, доступное обучение

зародилось уже в 1918 году. А в следующем году появился даже Декрет о ликвидации безграмотности.

Луков В. Цифры, документы на этот счет широко известны. В Красной Армии не было ни одной роты, где не обучали бы грамоте. Те, кто занимался ликбезом, имели укороченный рабочий день. Но главное, что одухотворяло людей той поры — безупречное ощущение ценности образования. Изучение азбуки никто не рассматривал только как дорогу к техническим навыкам и умениям. Все воспринимали это как путь к свету, к расширению жизненного горизонта, к осознанию духовных запросов.

Гуревич П. Хочу отметить, что любой серьезный мыслитель, обратившийся к вопросам образования, неизменно оказывался в русле общей социальной философии. Обучение знаниям — не локальный процесс, связанный с определенной сферой общественной жизни. Это живой нерв культуры, это архитектура грядущего. Стоило Платону подумать о том, как следует учить молодых людей накопленному знанию, и у него вызрел проект «идеального общества». Впервые в европейской культуре проблему связи поколений поставили античные философы, о чем пишет Платон в диалоге «Протагор». Он показывал, как можно передавать добродетель другим поколениям. Философы вели дискуссию и в ходе обсуждения пришли к выводу: чтобы государство могло существовать, должно существовать нечто единое, которому сопричастны все. Это добродетель. Платон подразумевал под добродетелью знание. Нет ничего выше знания того, что есть худо, а что есть хорошо. Коли добродетель есть знание, то ему нужно научиться.

Луков В. Хочу отметить, что мы говорим даже не столько об образовании, сколько об интеллектуализации нации. А еще конкретнее — о социальном укладе страны. Ведь можно, разумеется, закрыть сельскую школу, потому что не хватает учеников. Пусть едут в другой район на занятия — автобус подадут. Кажется, абсолютная целесообразность, учет отдельных социальных сложностей. А на самом деле — если нет в деревне школы, так нет и самого села. Деревню не перевезешь на автобусе в иной регион. Так мы ручным методом решаем прикладные задачи, но проигрываем стратегически.

Гуревич П. Это действительно так. Комментируя Платона, немецкий философ М.Хайдеггер писал о том, что греческое слово «пайдейя» не поддается переводу. Полагаю, что это даже не образованность, как указывал Мартин Хайдеггер. Это скорее некий духовный контур общества, показатель его внутренней силы. Только такое понимание, судя по всему, позволяет противопоставить образованность варварству. Как известно, варварству противостоит цивилизованность. Вот, как мне кажется, в чем духовный смысл всех этих размышлений античных философов. Пайдейя — смертельный антагонист необразованности, неотесанности, нецивилизованности. Иначе говоря, можно получить в Сколково поразительные результаты, но остаться страной непуганого идиотизма.

Буева Л. Я бы, пожалуй, для раскочки мысли обратилась к конфуцианству. Китайский мыслитель связывает с учением совершенствование

человека. Он считал, что пустые раздумья без освоения духовных канонов губительны. Обучение это не просто освоение ритуалов, а овладение примерами древности, поступков и настроем древних героев и правителей. Он говорил: учиться и не размышлять — пустая трата времени. Учиться следует всегда и везде, не стесняясь обретать знание даже у прохожего или простолюдина. Конфуций создает открытую школу, подчеркивая благотворительно возвышенной характер обучения. Он готов обучать за символическую плату, за «связку сушеного мяса». Именно такой связкой могли приносить жертвы духам. Казалось бы, чего удивительного, во всех странах есть проповедники, мессии, мудрецы, которые несут духовное знание. Но учитель передает не информацию, он задает нравственный ориентир. Он несет свой образ, свой духовный облик. Он ждет от учения живого переживания,

Гуревич П. Допустим, нас не интересует китайская мудрость. Но ведь, скажем, и немецкий социолог Карл Манхейм рассматривает интеллектуализацию в контексте огромных общественных перемен. Он раскрывает меняющиеся черты современной практики образования в период государственного регулирования капитализма. Манхейм вошел в историю социологии как один из наиболее продуктивных мыслителей, изучавших социальную природу знания. Мышление в общественной жизни и политике рассматривалось им как инструмент коллективного действия. Поэтому он пытался соотнести различные духовные образования, циркулирующие в обществе с социальными позициями тех, кто был носителем специфических типов мышления. В работе «Диагноз нашего времени» Манхейм пытается свести счеты с целой исторической эпохой, которую он условно называет либеральной и связывает с идеологией либерализма. Суть уходящего времени состоит в том, что оно культивировало частнопредпринимательскую инициативу, отдавало предпочтение индивиду и утверждало стихийность в общественном развитии в силу именно индивидуалистической направленности сознания.

Луков В. Манхейм развертывает в исследовании новый контур общественного развития. Он связан с упразднением стихийности, с внедрением плановых начал в общественной жизнедеятельности. Немецкий социолог осмысливает реальность государственно-монополистического капитализма как новый этап в развитии западного общества. Он увлечен возможностями лепки общественных отношений на базе детального изучения социальных тенденций, учета их направленности.

Буева Л. Социология выступает как инструмент, позволяющий приступить к возведению нового общественного знания, но при одном непременном условии: если интеллектуализация общества означает не столько прирост научных открытий, сколько преобразование социума. Наши политики думают: вот некий гений откроет что-то, с чем мы пойдем по пути модернизации. Но разве непонятно, что всеисилие науки не в том, что она обеспечивает катапультирование в новое общество. Изобретение компаса, паровой машины или ветряной мельницы обеспечивает, об этом писал и Карл

Маркс, новый виток цивилизации. Но общество как этап человеческой истории обусловлено не только научными и техническими новшествами. Можно благоустроить быт, создать новые материальные ценности, улучшить качество жизни, но при этом остаться в прежнем общественном укладе. Важнейший показатель социального бытия — духовность.

Гуревич П. Политики, как мы видим, размышляют о будущем страны как о потребительском рае. Они понимают, что даже малейшее улучшение жизни порождает аполитичность. Власть может заглушить протестные настроения в обществе с помощью социальной политики. Новому мэру Москвы дается наказ не забывать о жизненных потребностях населения. Но ведь столица — центр мощной культурной практики. Об этом — ни слова. Разве модернизация общества — это только освоение новых технологий? Разве Петр I, который Россию поднял на дыбы, заботился только о небритых подбородках? Он хотел европеизировать страну, но опираясь на образование, науку, православные ценности. Ведь конечная цель общества не в том, чтобы изобрести графен или беспроводного робота.

Луков В. Сейчас многие публицисты пишут о бездуховности. Утрачен интерес к глубинным метафизическим пластам человеческого бытия. Между прочим, ученые показывают, насколько парадоксальна, казалась бы, взаимозависимость разных социальных процессов. Скажем, демографы отмечают, что прирост рождаемости зависит не от экономики, не от экологии, а от духовности. Как только в том или ином социуме рождаются духовные смыслы, меняется в лучшую сторону и демографическая картина. Поэтому появление новых людей в той или иной стране — это как раз не «прирост» населения (речь же идет не о стаде рогатых), а укрепление духовного сообщества. Именно так писал, например, Николай Бердяев о духовном ренессансе культуры, оценивая всплеск духовной активности в России во второй половине XIX века.

Гуревич П. Любопытно, что президент России предложил недавно пять стандартов демократии. Говорится, во-первых, о правовом воплощении гуманистических ценностей и идеалов. Многие русские философы выражали тревогу, как бы привнесение европейских правовых идеалов не отразилось на нравственности общества. Ведь социум держится на трех китах: интересах, правосознании и морали. Сегодня так много говорят о гражданском обществе, об укреплении правовой культуры, что невольно закрадывается мысль о диктате права. В самом деле, президент отмечает, что «практическая сила закона задает главные ориентиры общественного развития». Трудно принять мысль о том, что развитие обеспечивается законом. Тем более, если это главный ориентир. А как же остальные могучие движители прогресса?

Луков В. Социальные революции, как правило, одухотворены новыми идеалами.

Гуревич П. Получается, что если некий закон принят вовремя, когда в нем возникла историческая потребность, то тоска по идеалам мгновенно исчезает. Разумеется, наш молодой президент — юрист, и он в этом документе

рассуждает именно с точки зрения правосознания. Однако где серьезный и глубокий разговор о святынях, которые озаряют исторические маршруты? Неужели наше общество преобразится и обретет духовность, если мы осознаем, что «ценности должны иметь правовую рамку». Но ведь в любом обществе далеко не все ценности имеют «правовую рамку». Разве любовь к отеческим гробам закреплена законом? Или имеется в виду, что достойных людей по стандарту демократии хоронят на престижных кладбищах? Может быть, тягу к трансценденции, к божественному следует тоже превратить в правовое воплощение идеалов. Порой при чтении стандартов рождается непрощенная мысль: про что идет речь? Неужто про демократию? Нравственное изъявление всегда свободно, у нет правовых рамок для добра, милосердия, сострадания, смысла бытия. Ради идеалов люди жертвуют жизнью. Далеко не всегда они предварительно заглядывают в свод законов. В этом случае ценности вообще перестают быть святынями. Так почему же разговор о демократии, о развитии общества, о прорыве в новое социальное пространство заведомо лишен нравственного измерения? А в своей директивности стандарты просто озадачивают: любовь к родному пепелищу вряд ли может обрести «практическую силу закона». Понятно, что здесь, в этом документе, сказалось и образование, полученное президентом. Однако как совместить интеллектуализацию, духовность с односторонним диктатом закона?

3. Совместима ли духовность с бюрократизацией, которая неизменно сопровождает программу интеллектуализации страны?

Луков В. Власть не всегда учитывает своеобразие различных форм человеческой деятельности. Научная деятельность предельно специфична. Ученые одержимы жаждой познания. Это делает их подчас эксцентричными, странными, далекими от житейских проблем и интересов. Поэтому считать, что научные открытия случаются там, куда направлены финансовые потоки, нелепо. Да, ученым нужны деньги на эксперименты, на лабораторные опыты, на книги, наконец. Но их пытливый ум невозможно направить по стрелке компаса. Научный поиск свободен. Понятно, что когда власть думает о модернизации, интеллектуализации, ей кажется, что Академия наук не справляется с поставленными перед ней задачами. В деятельности ученых и профессоров немало недостатков. Гнев, который охватил вождя революции, когда он прочитал социологические изыскания Питирима Сорокина, психологически оправдан. Но это возмущение имело огромные издержки. Мы подарили Америке мировую социологию.

Буева Л. Сталин как политик должен был поддержать Трофима Лысенко, а не Николая Вавилова. Ведь первый обещал быстрое накопление продовольствия. Но путь науки извилист, непредсказуем. И самая большая беда, если мы станем полагать, что «стимулирование научной деятельности, стимулирование инноваций, в конечном счете, производит достаточное количество социальных благ. Достаточное для достижения достойного уровня

жизни граждан». Если ученый будет руководствоваться только этими принципами, наука станет хиреть. Взгляните, к примеру, чем занимаются ученые, заглянув, скажем, в «Newland». Вот примерные заголовки: «Через двадцать лет в Интернете можно будет гулять по пляжу», «Световой загрязнение представляет большую угрозу», «Ученые создали дыню, которая остается свежей в течение 45 часов», «В США придумали кредитку с двумя кнопками и лампочками». Не превращается ли наука в прислужницу комфорта, быта?

Луков В. Но повсеместно проявляющееся игнорирование социологии и других наук или их использование как прислуги, на которую и прикрикнуть не грех, при курсе на интеллектуализацию России отражает весь абсурд происходящего. Вот, к примеру, в этом году Институт социально-политических исследований РАН — институт государственный, академический, серьезный, выпустил итоговый труд с анализом имевшей место в прошлом году социальной и социально-политической ситуации в стране под названием «Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса». Над книгой работал почти весь институт, обобщены исследования и даны нелицеприятные оценки, обозначены проблемы, требующие оперативных действий власти. Дальнейшее — молчанье.

Буева Л. Ученых упрекают в том, что наука плохо связана с практическими нуждами страны. Мол, научных трудов много, а где же их конкретная отдача? Где проекты, которые нужно срочно реализовать, внедрить? Но я убеждена в том, что есть немало открытий, предназначенных для практического использования. Их реализация могла бы принести стране сотни миллиардов долларов. Но вместо этого расходуются средства на дутые проекты, которые срочно называются нанотехнологиями. Читала в газете, что губернатор одной из областей России просил у центра деньги на ремонт дорог. Ему отказали. В повторной заявке он отметил, что все эти трудовые операции будут отлажены с помощью нанотехнологий. И ассигнования были получены.

Гуревич П. У нас нет точных данных о том, сколько ученых уехало на рубеж. За границей называют саму по себе значительную цифру — 200 тыс. Однако на самом деле из России за 18 лет отбыло людей науки, по меньшей мере, полмиллиона, а то и больше.

Луков В. В принципе правомерно требовать от ученых конкретной пользы, но наука не развивается по команде. Стимулирование определенных наук, конечно, дает результаты. Но в целом наука не подчиняется только финансовым потокам. Государственный контроль, конечно, необходим. Однако чрезмерный диктат для науки вреден.

Гуревич П. Наука — нежное растение. Но может ли оно радоваться садовнику и быть к нему благосклонным, если тот постоянно извлекает растение из земли с единственной целью — проверить растет ли оно в нужном направлении. Так писал Норберт Винер.

Буева Л. Но диктат чиновников проявляется не только в этом. В их руках оказываются премии, которые дают ученым. Скажем, премию

Правительства РФ в области науки и техники присуждают ежегодно в 40 номинациях, с 2005 года она равна миллиону рублей. Но кто же эти мученики науки? В 2003 году правительственную награду дали главе корпорации «Интеко» Елене Батуриной и гендиректору спорткомплекса «Лужники» Владимиру Алешину (за возведение купола стадиона «Лужники»). В том же году получил премию управляющий делами президента Владимир Кожин — за реконструкцию Константиновского дворца под Петербургом. В 2005 году лауреатом стал президент «Роснефти» Сергей Богданчиков (за новое оборудование для ремонта скважин). Бывший президент Калмыкии Кирсан Илюмжинов получил премию за «устойчивую систему получения говядины на основе российских пород мясного скота».

Луков В. Настораживает также внимание власти и чиновников к гуманитарным наукам. Особый интерес вызывает история как гуманитарная наука. Появляется комиссия, которая борется с фальсификацией истории. В МГУ обсуждают историков, которые «неправильно» осветили жизнь кавказских народов.

Гуревич П. Интеллектуализация невозможна без гуманитарных наук. Не впервые в истории Запада технические науки получают неоспоримое право на развитие. Например, философ-просветитель А.Кондорсе, создавая свою педагогическую программу, резко осудил увлечение античностью, изучением древних языков. Весь филологический уклон в целом. Он ратовал за бесспорное насаждение естественных и точных наук. Только они, по его мнению, могли бы формировать ум ученика.

Буева Л. В наши дни это назовут сциентизмом. Кондорсе считал, что школа не просто институт обучения. Это своеобразная социальная власть. Он называл ее «четвертой» после исполнительной, законодательной и судебной. Одновременно родилась идея «рождения нового человека». Особенно значимой была эта идея в период Французской революции. Выдвигались радикальные проекты реформы школы. По мнению Мишеля Лепелетье, вместо школ нужно создавать Дома национального воспитания. Так называли интернаты, в которые все без исключения родители отдавали своих детей, начиная с пятилетнего возраста. Здесь их растили в духе «свободы, равенства и братства».

Гуревич П. Ответом на эти эксперименты, как известно, стал образ «Педагогической провинции», нарисованной Гёте в романе «Годы странствий Вильгельма Мейстера». Здесь учат не столько точным наукам, сколько выращивают «прекрасные души». Ученики слушают классическую музыку, наслаждаются искусством.

Луков В. Но это точно не про нас. Наша бездуховность обнаруживает себя в том, что чиновники изгоняют гуманитарные науки, считая их бесполезными. Кто-то выдумал, что все должно иметь рентабельность. Вот и стали прикрывать радиостанцию «Орфей» — единственную на всю Россию музыкальную станцию, на которой каждую минуту звучит классическая музыка.

Буева Л. Наша система образования больше напоминает лоскутное полотно, причем такое полотно, части которого не создают регулярный рисунок. Это соединение лоскутов старого и нового, нереконструированных пережитков прошлого и вещей, возникших в силу новых обстоятельств. Данное положение в равной мере относится и к преподаваемым предметам, и к способам их преподавания, и к общественному управлению системой образования, и к ее собственной администрации. Новые учебные курсы, как следствие, раскололи программу на бессвязные составляющие и создали перегрузку. Чересчур много тем для изучения и чересчур много учебных курсов, а в результате получилась неразбериха. Общество настоятельно требует, чтобы руководители страны обратились бы, наконец, к проблемам образования. Вместо этого нам предлагают снова формальное обсуждение некоторых законодательных актов.

Гуревич П. Наши политики не обнаружили стремления к выработке насущной концепции образования. Деятельность в этой сфере не имеет никакой возвышенной цели, никаких ориентиров, если не считать сознательного стремления властей разрушить обретенный исторический опыт. В то время, когда молодой американский президент начинает свою государственную деятельность с вопросов образования и воспитания, наши политики решают в этой сфере только коммерческие задачи. Возможно, в этом есть непритязательная логика: зачем отечественное образование, если дети политиков и чиновников могут учиться в Кембридже?

Луков В. Новые проблемы в образовании решаются как авральные, едва ли не катастрофические. То вдруг обнаруживается, что у нас переизбыток вузов, учителей и профессуры. Неожиданно выясняется, что в стране огромные массы ненужных специалистов, как гром обрушивается сообщение о том, что у нас низкое качество образования. Невольно закрадывается вопрос: кто должен не только информировать общество о назревших проблемах, но и предотвращать их, предвидеть возможные социальные процессы. Министерство образования и науки как всегда не причем. Оно ставит нас в известность и начинает лихорадочную деятельность по аттестации, закрытию вузов, показной борьбы за качество обучения. Интересно получается: ректор Московского гуманитарного университета И.М.Ильинский лет 12 назад (тогда вуз еще назывался Институтом молодежи) заказал демографам МГУ исследование о тенденциях в изменении численности выпускников школ в долгосрочной перспективе. Были получены сведения, которые содержали предупреждение: демографический кризис 1990-х годов не рассосется еще очень долго, его последствия для вузов обнаружатся в конце первого десятилетия нового века, а в начале 2010-х годов приведут к серьезным проблемам в системе высшего образования. Действия Ильинского? Разработана стратегия развития вуза с учетом демографической ямы, последовательно принимались меры, чтобы вуз, не имеющий финансирования из государственного бюджета, не рухнул в одночасье. И он не рухнул при всех сложностях набора предыдущего и этого года, потому что подготовился к ним

заранее. А министерство, у которого есть свои аналитические службы, есть замечательный социолог Франц Шереги, известный тем, что не приспособливается к пожеланиям чиновников и сообщает в своих отчетах то, что есть на самом деле. В министерстве не знали о демографической яме? Те же проблемы с качеством образования. Именно тогда, когда оно падало в силу смены социального строя и необходимости перестройки всего образовательного пространства, вводятся меры контроля вроде ЕГЭ, которые заставляют учителя и ученика перейти в режим дрессировки. В корне подрывается интеллектуализация школы, а вслед за этим и вуза.

Гуревич П. Недавно я опубликовал статью «Культурный код», в которой привел многочисленные примеры вопиющего невежества студентов. С каждым годом преподавать становится все труднее и труднее.

Луков В. Извините, Павел Семенович, сложность составляет прежде всего то, что модернизация системы образования пошла по всем направлениям в неподготовленной массовой аудитории. В такой консервативной системе, как образование, это поставило в тупик и учителей, и администрацию, и родителей, и учеников. Учеников я называю в последнюю очередь, поскольку для них меньшую проблему составляло переучивание, и нововведения накладывались чаще всего на *tabula rasa*. Сбитые с толку преподаватели вынужденно решали возникшие проблемы организационными, а не интеллектуальными средствами. Чем выше требования к качеству образования и изощреннее проверка их соблюдения, тем больше соблазна фальсифицировать истинное положение дел и при передаче знания упираться на однозначность «правильных» ответов, которые пригодятся при тестировании. Разумеется, есть и более общие причины, связанные с повседневностью «эпохи перемен». Традиционные методы контроля человеческого поведения эффективны в стабильных социальных условиях, они строятся по модели «норма — отклонение», где вполне ясно для всех или почти всех, какова норма. Но в переходные эпохи норма утрачивается (старая дискредитирована, новая еще не утвердилась). Стратегические замыслы перестают управлять тактикой, жизненные траектории становятся пунктиром, правилом становится жить «здесь и сейчас». Новые идеологии и социальные технологии в таких условиях не встречают сопротивления в массах, но и не укореняются настолько, чтобы овладеть массами. Контроль масс над властью ослабевает, и те с юношеским энтузиазмом экспериментируют: а вдруг что-то толковое получится? Слепота в отношении социальных условий, формирующих личность, остается безнаказанной, пока демократия остается прибежищем меньшинства

Гуревич П. Относительно невежества. Я цитирую на лекции: «Человек есть испытатель боли...». На меня смотрят с недоумением. Люди, воспитанные в культуре, где удовольствие правит бал и предлагается в огромных дозах, не понимают, что я сказал.

Это строчки Мандельштама, — говорю я. И вижу широко раскрытые глаза студентов.

Осип Мандельштам, — уточняю я, — это поэт. Причем довольно известный.

Интерес к Мандельштаму, который, как выяснилось, не является ведущим телевизионной программы, угас. Студентка весело сообщает мне:

А знаете, когда мы вас приняли за своего?

Когда? — напрягаюсь я.

— На втором курсе. Вы спросили на экзамене у одной студентки: «Как вы думаете, Фрейд, Адлер и Юнг — это разные люди или одно лицо? «Скорее всего, одно», — ответила та. Вы не стали заниматься морализаторством, а склонились над зачеткой.

И я действительно вспоминаю этот экзамен. Я еще спросил одну студентку:

— Кто такой Нерон?

Она задумалась и вдруг просияла: «Да это же изобретатель нейрона».

В нынешних сумасшедших домах не стало Наполеонов. Его обитатели еще до своего безумия не знали и даже не слышали, кто это такой. Теперь безумцы чаще называют себя Гошей или Маргошей.

Мальчик из телевизионного сериала слушает отца, который советует ему идти к друзьям, во двор, поиграть, пообщаться.

— Папа, ты уже закончил свою речь? Какой двор? Меня ждут мои пользователи в Интернете. Мы привыкли говорить о культуре как о великом интеграторе, вводящем нас в общий мир смыслов и ценностей. Но она, судя по всему, распалась на ряд кодов, причем не каждый из них можно по праву назвать культурным.

4. Нет ли противоречия между провозглашенной программой интеллектуализации и резким падением общей культуры и образованности

Луков В. Вы, Павел Семенович, в этой части нашего «круглого стола» поставили очень важный вопрос, из которого следует, что интеллектуализация всей нации не может быть сведена к интеллектуализации элиты. Можно сказать, что здесь проглядывает давний философский вопрос о социальном организме. Сегодня эта тема вновь актуальна для понимания современного общественного устройства. Можно определенно сказать, что интеллектуализация общества в нынешних условиях только тогда выступает как мобилизующая общественная идея, когда связывает распространение этого качества на массы, а не ограничивается элитой. В отношении элиты, вообще-то, такую задачу даже странно ставить в современном обществе. Это не могло быть так всегда, это, по-моему, признак наступающей эпохи информационного общества. Хотя общие черты такого общества осмыслены уже достаточно определенно, до деталей и особенно национальной специфики становления информационных обществ еще предстоит дойти. Одна из этих черт, думаю, интеллектуализация масс, а способ ее формирования — образовательная

революция (термин И.М.Ильинского), то есть существенные перемены в содержании образования (а не в формах организации образовательной системы) на пути от передачи некоторой суммы знаний к освоению современного мира через его лучшее понимание.

Буева Л. У Игоря Михайловича — оригинальная концепция образовательной революции.

Луков В. Да, конечно. Вопрос, вероятно, не в том, есть ли тут противоречие или его нет. Собственно, и выдвижение государственных стратегических программ имеет смысл, если обнаруживается некоторое общественное противоречие, которое нужно преодолеть или, по крайней мере, снизить его негативные последствия. А вопрос в том, можно ли на фоне резкого падения качества образования проектировать интеллектуализацию как свойства, которым в обозримой перспективе (хотя бы и долгосрочной — четверть века, полвека и т. д.) сможет овладеть масса населения. Нельзя сказать, что успешная реализация задач культурного развития в масштабах страны не имеет у нас прецедентов. Культурная революция 1920-х годов в исторически краткий срок позволила ликвидировать неграмотность (мы уже говорили об этом). Именно в самом широком смысле масса приобрела новое качество, изменившее все культурное поле страны. В чем-то здесь есть прямой аналог нынешнему курсу на интеллектуализацию масс.

Гуревич П. Аналог — в каком смысле?

Луков В. Ликвидация неграмотности — кроме идеи всеобщей грамотности — представляла собой технологию образовательных действий, в которую были включены миллионы людей. Не было преподавателей с гарвардскими дипломами? — Ничего, преподавали мальчики и девочки, сами вчера научившиеся читать и писать. Появились рабфаки, где пополнение в вузы из рабочих и крестьян готовили нередко студенты, совсем «зеленые». Те же упоминавшиеся курсы в армии. По качеству получаемое образование различалось разительно, но общий образовательный сдвиг страны обеспечил ее прорыв в круг сверхдержав с мощной наукой, техникой, промышленностью, системой национальной безопасности, высокими культурными запросами масс.

Если говорить об интеллектуализации народных масс сегодня, приходится — кроме общих лозунгов — задаться вопросам, что здесь можно сделать, какими силами и в какие сроки. Между прочим, имеют значение и меры в области компьютеризации, о которой мы сегодня в полемическом задоре несколько раз высказались не слишком лестно. С тем обстоятельством, что в информационном обществе цифровые технологии проникают во все сферы жизни, включая и повседневный быт масс, нельзя не считаться. Если иметь в виду сферу образования, то здесь возникли проблемы передачи знания, связанные с тем, что ученики чаще всего значительно лучше владеют новыми средствами коммуникации, чем учителя.

Мы говорим, что компьютеризация наступает невиданными темпами. Приводим аргумент, что массовое применение в практической деятельности началось в 1981 году после того, как крупнейший производитель

вычислительной техники — фирма IBM — выпустила на мировой рынок свой первый персональный компьютер IBM PC. Для людей нашего поколения 1981 год — это вчера. Но вообще-то тридцать лет прошло, родившиеся в том году уже переходят из разряда молодых в разряд людей среднего возраста. Но и сегодня профессор, не владеющий компьютером, частое явление в вузовской аудитории, учитель, не ищущий материал для урока в интернете, — не редкость. Считать, что такой профессор или такой учитель может дать качественное образование сегодня, — большая натяжка. И не только потому, что он в современном смысле оказывается недостаточно образован, но и потому, что его ученик живет уже в другой системе координат, его картина мира другая, он не сможет адекватно воспринимать хотя бы ту же античную литературу, если в его взаимодействии с учителем не выстроен интерфейс, соответствующий сегодняшним способам передачи знания. В этой части противоречивые ожидания от образования не могут не нарастать.

На фоне переизбытка преподавательских кадров формируется кадровый голод. Это одна из проблем, но и других немало. Между новыми технологиями и высоким качеством знаний необходимо выстраивать мосты, понимая, что закупкой новейших компьютеров в сельскую школу вопрос не решается. А тогда особенно важным становится честность в оценке того, что же реально достигнуто и что можно достичь на следующих этапах, распределяя средства и силы по принципам социального проектирования. Власть все время спешит заявить об успехах. Вот и ЕГЭ, оказывается, успешно внедренная технология, повысившая качество знаний. Все общество против этого, школы и вузы стонут от несправедливости пользования только такой системой оценки, но «Васька слушает и ест». В такой системе координат, конечно, российские люди смогут работать, как показывает вся история России. Только с интеллектуализацией дело сложнее. Если масса интеллектуализирована, она не может не осмысливать действия и замыслы власти и не может не сопротивляться таким действиям и замыслам, с которыми не согласна или которые не понимает. Надо ли это власти? Готова ли она к такой интеллектуализации народа?

Бueva Л. Ответ ясен.

Луков В. Традиционные методы контроля человеческого поведения были малоэффективны по причине медленного социального развития. Такая слепота в отношении социальных условий, формирующих личность, остается безнаказанной, пока эта демократия — демократия меньшинства. Оторванный от жизни метод либерального мышления превращает любую вещь в абсолют. Как только массы становятся политически активными, возникает необходимость в новых формах образования, а отбор и поддержание высокого индивидуального уровня элиты делом всеобщей важности. На этой стадии уже невозможно ограничить проблему образования рамками школы. Оно уже не может рассматриваться как взаимный обмен между двумя индивидами, учителем и учеником, на уровне личных отношений, а представляет собой часть общего социального процесса.

Гуревич П. Сократовское размышление в своей первоначальной форме было первым симптомом демократических изменений в обществе, где самые лучшие и проникательные люди стремились создать науку, которая могла бы подвергнуть критическому рассмотрению старые моральные нормы и мифологический образ мышления. Они хотели разработать рациональные нормы, которые годились бы для городского общества и гармонировали бы с новым образом мыслей, связанным с переходом к обществу, основывающемуся на ремесле и торговле.

Буева Л. Но стоит ли развивать массовое образование? Может быть, действительно лучше ограничиться элитарным образованием? Так рассуждают, видимо, чиновники. Сколько сил нужно затратить на обучение всех граждан России. Пусть, стало быть, едут за границу дети состоятельных бизнесменов. Чем плохо? Будет у нас своя образованная элита, ее воспроизводить станет правящий класс. Разве в Китае поступают не так?

Луков В. Но те, кто учится на Западе, как правило, там и остается. Кроме того, дети высокопоставленных чиновников, как отмечает пресса, частенько приобщаются не знаниям, а к «цивилизованному» образу жизни. К тому же российский чиновник, отправивший своих чад за рубеж, не станет напрягаться и поощрять отечественное образование.

Гуревич П. В Новое время, когда Европа сделала ставку на науку, не было слова «интеллектуализация». Его заменяло другое слово — «мудрость». Власть заблуждается, полагая, что с помощью лозунгов и финансовых вливаний можно обеспечить интеллектуализацию, а затем, может быть, духовность или образованность. При всех размышлениях интеллектуализация — понятие интегральное. Невозможно сделать страну умнее путем технологических новшеств, если в ней бездуховность воцарилась на всех телевизионных экранах, деградирует образование. Страна действительно нуждается в цивилизационном рывке, но модернизация останется нереализованной, если на фронте общества появляются лишь умные призывы, современные и модные архитектурные дизайны. Модернизация — это масштабное социальное преобразование, а не украшение интерьера. Связи, скрепляющие общественное единство, обладают цепкостью. Каждая нить социальной ткани буквально вшита в социум.

Как выглядит общество, если в нем на верхних этажах — силиконовые наукограды, хай-тек, нанотехнологии, дерзновенные космические проекты и предупреждающие полеты «Булавы», а внизу умирающие деревни, безграмотность, бесперспективность, города, приходящие в упадок? Уверенность в том, что интеллектуализация станет крылатой ракетой для страны и сможет парашютировать ее в другое цивилизационное пространство, не имеет достаточных обоснований. Поразительно, но в обществе нет социального слоя, который был бы кровно заинтересован в интеллектуализации. Ни чиновники, ни ученые, ни интеллигенция пока не видят в этом процессе собственного участия. Споры и дискуссии ведутся лишь вокруг возможного финансирования. В прежние годы учреждения высшей

школы и науки претендовали на государственную помощь на состязательных началах. Теперь же предполагается усилить финансирование вузов, а Академию наук оставить на скудном пайке. Но нашим вузам предстоит пройти весьма сложный процесс, чтобы работать на тех же принципах, что зарубежные образовательные учреждения. От вузовского преподавателя сегодня требуют внесения солидного научного капитала. Профессора и доценты готовы в своей деятельности к практическому эффекту. Но кто будет финансировать их проекты? Преподаватель, имеющий огромную нагрузку, задавленный монолитом отчетности, должен, оказывается, сам искать заказчиков, вести с ними переговоры, заключать договора. Но такого режима работы нет нигде. А уменьшение финансовых потоков для Академии наук лишает этот процесс состязательности.

Обществу, судя по всему, предстоит гигантская работа по деbüroкратизации интеллектуальной деятельности. Технологизация, коммерциализация умственных процессов губительна. Гармония не повернется алгеброй. Невозможно загнать свободную творческую активность в строгие рамки чиновничьего контроля. Сегодня мы имеем в стране миллионы невежественных дипломированных специалистов, десятки тысяч остепененных кандидатов и докторов, выполнивших формальные требования чиновничьих инстанций, но не обогативших науку.

В российской истории было немало модернизационных и цивилизационных рывков. Но они неизменно предварялись серьезной и глубокой постановкой образования. Одна из главных ошибок рыночных реформ — попытка коммерциализировать обучение и науку. Самый успешный проект, который знает история, это бесплатное образование. Расходы на нее окупаются стократно. Никому не приходит в голову усмотреть выгоду в грудном кормлении ребенка. И что бы ни говорили по этому поводу чиновники, утечка умов из России продолжается. Невероятной скандальной ошибкой властей может служить открытое оповещение научной общественности о стремлении в реализации новых проектов опереться на зарубежных специалистов. Речь идет о недооценке собственного интеллектуального капитала. Ученым открыто заявляют об утилитарном отношении к ним: «сегодня вы нужны, а завтра нет». Между тем, вполне очевидно: для талантливой науки нужна талантливая власть. Никто ведь сегодня не объявляет, что на пост президента нашей страны можно пригласить зарубежного политика. А между тем обсуждаются на уровне власти возможность приезда к нам зарубежных ученых, которые образуют новую академию наук в противовес прежней. Как же после этого ждать от отечественных ученых технологических прорывов?

Для реализации программы интеллектуализации нужна социальная опора. Но где те общественные слои, которые могут поддержать этот проект и участвовать в нем?

Власть заявляет, что ждет от ученых проектов, а не красивых слов об инновациях, модернизации. И сама же преуспевает в этом разговорном жанре.

Современная менеджеристская практика нацелена на получение прибыли. В фаворе бизнесмен, который ничего не создает, но занимается выгодной продажей. Допустима ли в принципе столь абсурдная технологизация образования, когда внутренний мир школьника, студента расчленяется на отдельные ячейки, которые якобы в сумме реализуют идеал компетентности? Долго ли можно мириться с плоским социологическим мышлением, которое рассчитывает впечатать в память школьника или студента полезные сведения? Правомерно ли рассматривать интеллект в качестве главного экономического ресурса?

Ход нашей дискуссии показывает, что мы обсуждаем проблемы, которые вообще не стоят, как говорится, в повестке дня. Министерство образования и науки занято разработкой циркуляров, инструкций, указаний. Но не считает нужным обратиться к научной общественности для того, чтобы сформулировать стратегические задачи образования. Смешно представлять интеллектуализацию как удел узкого круга гениев, могущих осчастливить страну техническими новинками. Речь может идти лишь о глубинном социальном движении, которое выражает стремление к знаниям, к духовности. Отечественная и мировая история знает такие порывы. И осознает сложности, которые встают на пути подлинной мудрости.

Противопоставляя мудрость истинную и ложную, Ф.Бэкон писал о первой: она «заботится о своем собственном пути, заранее предвидит опасности, думает о том, как их избежать, прибегает к помощи честных людей, вооружается против бесчестных. Она также осторожна в своих начинаниях, готова к отступлению, энергична в борьбе с препятствиями, принимает во внимание множество других обстоятельств, которые имеют отношение к его собственным действиям и поступкам.

Право, есть над чем подумать.